

***

Я люблю тебя так, словно я умерла,
то есть будто смотрю на тебя с того света,
где нам каждая жилочка будет мила,
где любовь так полна, что не надо ответа.

Мне не нужно уже от тебя ничего...
Все земные сужденья о счастье лживы,
ибо счастье — оно не от мира сего.
И тем более странно, что мы ещё живы...

Ахматова в Фонтанном Доме

Дворца и коммуналки помесь —
Фонтанный Дом

(и нет печальнее, чем повесть
о доме том!):

так вот откуда этот царский —
до гроба! —

вид.

Здесь быт кромешный,
пролетарский,
но что ей быт?

И что ей время за стеною
её дворца:

не страшно в нём с ТАКОЙ страной
быть до конца.

И не к мужчинам возвращаться —
там счастья нет.

Одно лишь есть на свете счастье —
в окошке свет.

Придёт Параша Жемчугова,
родная тень,
и будет день, и будет слово,
и снова день.

И улыбаться перестанешь,
и мука — сын,
и много всяческих пристанищ,
а дом — один.

И даже из того предела
лишь дома жаль.

И повторяет контур тела
на кресле шаль.

У, Москва, калита татарская:
и послушлива, да хитра,
сучий хвост, борода боярская,
сваха, пьяненькая с утра.
Полуцарская — полуханская,
полугород — полусело,
разношерстная моя, хамская:
зла, как зверь, да красна зело.

Мать родная, подруга ситная,
долгорукая, что твой князь,
как пиявица ненасытная:
хрясь! — и Новгород сломлен — хрясь! —
всё её — от Курил до Вильнюса —
эк, разъела себе бока! —
то-то Питер пред ней подвинулся:
да уж, мать моя, широка!

Верит каждому бесу на слово —
и не верит чужим слезам:
Магдалина, Катюша Маслова,
вся открытая небесам.
И Земле. Потому — столичная,
то есть общая, как котёл.
Моя бедная, моя личная,
мой роддом, мой дурдом, мой стол.

...Богоданная, как зарница,
рукотворная, как звезда,
дорогая моя столица,
золотая моя орда.

Сыну

Я помню: август, девяносто первый,
и слово неожиданное «путч»,
и помню путь (плохое слово «нервный»,
неточное),
я помню этот путь —
в Москву на переделкинской «Газели» —
и свой — пока невидимый — живот.
Я помню, как в молчании глазели
в окно все те, кто ехал.
Весь народ.
И как навстречу танки шли по Минке,
и это всё была моя страна —
все катафалки, все её поминки,
и вечный бунт, и вечная война.
И помню, что подумала тогда я,
хотя прошли не годы, а года, —
беременная, злая, молодая, —
и что тебе сказала я тогда:
у нерожденных — никакого шанса
в том месте, что зовётся вечный бой,
а стало быть, чего уж там — решайся,
рождайся, сын,
прорвёмся,
я с тобой...

***

Сначала жаль только Татьяну,
потому что её не любят,
и Ленского,
потому что его убивают.
А потом жаль Онегина,
потому что куда страшней,
когда не любят и убивают не тебя, а ты.
А потом — Ольгу,
потому что самое страшное —
убивать, не замечая, что убиваешь.
А потом — опять Татьяну,
потому что она любит того, кого убивает.
А потом — опять Онегина,
потому что он всё-таки жив.
А потом жаль всё: «наше всё», —
потому что его убили.
А потом жаль всех нас,
потому что мы лишние,
потому что в России все живые лишние.

***

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается с мужем,
уж тот не намерен, конечно,
с любовником тайно бежать.
Иначе зачем тратить сахар,
и так ведь с любовником сладко,
к тому же в доме его тесно
и негде варенье держать.

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается долго,
во всяком уж случае зиму
намерен пере-зимовать.

Иначе зачем ему это,
и ведь не из чувства же долга
он гробит короткое лето
на то, чтобы пенки снимать.

Кто варит варенье в июле
в чаду на расплавленной кухне,
уж тот не уедет на Запад
и в Штаты не купит билет,
тот будет по мёртвым сугробам
ползти на смородинный запах...
Кто варит варенье в России,
тот знает, что выхода нет.

***

...А кота звали попросту Понтий,
но, конечно, совсем неспроста:
я в то лето жила не у Понта,
а за пазухой у Христа.
Я не знала ни счастья, ни горя —
знала только одни лишь труды,
и хоть рядом и не было моря,
было соли полно и воды.
С неба падала манка и гречка,
сам собою слагался сюжет,
день за днём протекал словно речка,
у которой названия нет.
Приезжали то Коля, то Саша,
привозили то хлеб, то вина,
и была моя жизнь словно чаша:
хоть упейся — всё будет полна.
Что и делала я: упивалась,
так что лыка связать не могла,
а оно вдруг взяло и связалось —
даже крепче морского узла...

Зимой, когда страшно просто взглянуть в окно —
не то что куда-то ехать, хороший мой,
когда по утрам за окном до того темно...
короче, нашей отечественной зимой,

когда я со всеми вместе иду к метро
и в сумке бездонной моей вся война, весь мир,
все слёзы мира, всё зло его, всё добро —
и йогурт, а иногда кефир,

когда я штурмом, как крепость, беру вагон,
где глупо держаться и трудно порой дышать,
где я засыпаю стоя и вижу сон,
где ты не ушёл и где живы отец и мать,

где все до того близки мне — со всех сторон,
что чья-то ушанка мне лезет упорно в рот, —
я вдруг понимаю, что я — это, в общем, он,
прости за пафос, имея в виду народ.

И если меня не грохнули в тридцать пять,
и если я не повесилась в сорок семь,
то, значит, надо как-нибудь доживать
не то, чтоб назло или на радость всем.

А просто — проехали — всё — не вернёшь билет —
и с каждым годом светлее моя печаль,
и смысла теперь умирать никакого нет,
поскольку старых, их никому не жаль.

Юрию Ряшенцеву

Если поезд ушёл, надо как-нибудь жить на вокзале:
в туалете, в буфете, под фикусом пыльным, у касс,
ибо нам небеса это место и век навязали,
как вовек полагалось верхам: не спросивши у нас.

Надо ставить заплатки на платья и ставить палатки,
разводить не руками, а кур, хризантемы, костры,
и Писанье читать, и держать свою душу в порядке,
и уехать хотеть за троих, то есть как три сестры.

И кругами ходить, как в тюрьме,
по сквозному перрону, —
и понять, и проклясть, и смириться, и всё расхотеть,
и без зависти белой смотреть на дурёху ворону,
что могла б и в Верону на собственных двух улететь.

И на этом участке планеты дожить до рассвета,
и найти себе место под крышей и солнцем в виду
раскуроченных урн, и дожить до весны и до лета,
и слова рифмовать, и не тронуться в этом аду.

И стоять на своём, и пустить в это месиво корни,
и врасти, а потом зацвести и налиться плодом,
ибо поезд ушёл в небеса и свистки его горни,
но остался вокзал, на котором написано: «Дом».

***

Учёбой ли, в тимуровцы игрой
охвачена, — была я всюду первой.
Отличницей. Общественницей. Стервой.
Меня не научили быть второй.

Остановить бы тройку на скаку,
спросить: «Куда, родимая, несёшься?..»
Что первенством от смерти не спасёшься,
я знаю. Чем спасёшься — не секу.

Переборов ребяческую прыть,
живу неспешно, то есть драматично,
предпочитая не демократично,
а царственно решать, куда мне плыть.

...И мне уже не страшно быть второй.
И пятой. И десятой. И последней.
Да может, тот бессмертней, кто бесследней,
и тот первой, кто замыкает строй.

***

Рай — это так недалеко...
там пьют парное молоко,
там суп с тушёнкою едят
и с Дантом за полночь сидят.
Там столько солнца и дождей,
чтоб вечно алы были маки:
рай — это там, где нет людей,
а только дети и собаки.

***

А женщине чего бояться?
Она не царь и не народ.
Ей Пасхи ждать и красить яйца
и не загадывать вперёд.

Где страх уста мужчине свяжет,
где соблазнит мужчину бес,
там женщина придёт и скажет
Тиберию: «Христос воскрес!»

***

В моей бестрепетной отчизне,
как труп, разъятой на куски,
стихи спасли меня от жизни,
от русской водки и тоски.

Как беженку из ближней дали,
меня пустивши на постой,
стихи мне отчим домом стали,
колодцем,
крышею,
звездой...

Как кесарево — тем, кто в силе,
как Богово — наоборот,
стихи, не заменив России,
мне дали этот свет — и тот.

Первое чудо

Браки совершаются на дачах
в раннем детстве.
Дача была удивительная:
бревенчатая,
с резными ставнями,
двумя крылечками
и до того большая,
что, когда однажды вечером
мы все сидели на одной половине
и пили чай из самовара,
тоже большого и блестящего, —
на другую половину забрели цыгане
и унесли всё наше столовое серебро,
а мы и не услышали.
А сад был такой большой,
что переходил в лес,
мы собирали грибы, не выходя за калитку.
Мы жили на даче с мая по октябрь: вечность.
Мне было пять лет.
Кончался октябрь.
Шёл мелкий дождь.
В саду было сумрачно.
Я стояла на крыльце и грызла яблоко:
янтарно-наливное и холодное до ломоты в зубах.
Яблоками был завален весь дом.
Дом насквозь пропах Буниным.
Тем его томом —
большим, с жёлтыми страницами, —
где были «Антоновские яблоки».
Но в конце того октября,
на краю вечности,
я ещё не умела назвать этот запах по имени.
Ему было тридцать пять:
земную жизнь пройдя до половины,
он очутился в сумрачном саду,

то есть вошёл в дальнюю калитку
и по тропинке направлялся к дому.
За ним шли ещё двое.
Но я увидела его одного.
Он был большой и сказочно красивый:
синие глаза, русая борода, пшеничные кудри —
королевич.
Я влюбилась сразу — вся:
вместе с яблоком, которое грызла.
Он пришёл копать колодец.
Я чувствовала, что это ненадолго,
что это не навечно,
да иначе и быть не могло:
стояли последние октябрьские дни —
вечность кончалась.
Но я не желала с этим мириться.
Они копали весь день,
а я всю ночь —
забрасывала.
Пятилетняя Пенелопа,
я сводила на нет труд трёх мужиков.
Трёх женихов.
Нет, настоящий жених был один.
Те, что шли за ним, были так, подобья.
И напрасно я боялась:
он никуда не ушёл —
так и остался в том октябре.
И я осталась.
Так мы там и стоим:
королевич и Пенелопа с яблоком в руке.
А дедушка и бабушка,
и рабочие с лопатами,
и цыгане с серебром —
все сидят в саду за большим столом,
кричат: «Горько!» — и пьют:
пьют вино —
прямо из колодца.

Вере Орловой

А на веранде ос, поди,
Там, где халва-ирис.
Так ли уж важно, Господи,
Тихон или Борис.
Сердце трепещет-мается
пташкой в Божьей руке.
Кто это обнимается
на золотом крыльце?
Там за горами синими —
море большой любви.
Ох, не родись красивою,
а родилась —
живи.
Осень с кострами дымными,
золота пруд пруди,
горы арбузно-дынны —
всё ещё впереди.
Будет дорога санная,
будет благая весть.
Жизнь, мой хороший, самая
длинная в мире вещь.

***

Уходишь — так уходи.
И не жалея меня.
Дел ещё — пруд пруди:
остановить коня...
Душу ты мне не рви,
да ещё в такую жару!
Я не умру от любви.
я вообще не умру.

***

У меня, как у всех, нынче есть свой email,
Нынче есть, как у каждой собаки, мобила.
Но кто письма писал, тот теперь онемел,
И ушёл, кто звонил и кого я любила.

И уходит день за день земля из-под ног,
мои дети уходят — свои и чужие.
Только вскрикнешь по-бабьи:

«Куда ты, сынок?..»

А они всё идут — всё такие большие.

Даже буквы срываются нынче с листа
И летят, словно клин, а потом —

словно точка...

Я стою на ветру, я совсем сирота,
одиночка ли мать, капитанская ль дочка,

хоть горшком назови, хоть совком —

не боюсь:

я как мёртвый, который не ведает сраму.
...А ночами мне снится Советский Союз,
тот,

где мама моя моет вечную раму.

***

Была любовь у нас как море,
а после — началась война,
и слишком много было горя,
и слишком я была одна.
И жизнь короткою казалась,
и старость снилась мне во сне:
к себе сильнее стала жалость,
чем к тем что гибли на войне.
И было ждать невыносимо
(хоть с детства знала «Жди меня»),
казалось, жизнь проходит мимо,
и мало ночи, мало дня...
Не потому что я плохая
(ну извини — не дождалась!),
а потому что жизнь такая —
любовь и кровь,
война и грязь.
... Ты из такой вернулся дали,
ты видел смерть,
ты видел ад.
И как звенят твои медали.
Уходишь —
а они звенят.

***

Уметь довольствоваться малым,
счастливым быть в себе самом,
не шляться по блестящим залам,
высоким не блистать умом,
служить бы делу, а не лицам,
служить Творцу, а не лицу,
хорькам, лисицам и куницам
не дать приблизиться к лицу,
и приходить ко всем с приветом,

и расставаться не скорбя,
не быть для всех ты можешь Фетом,
но Фетом быть внутри себя.
Поэтом может быть не всякий —
всего один,
почти никто:
мой первый друг,
мой друг Акакий,
отдай шинель,
бери пальто.

***

Учусь у них — у дуба, у берёзы,
а этим летом и ещё у лип.
И так бы кстати оказались слёзы:
с утра до ночи течь они могли б!
Стоит —
по-украински —
месяц липень,
с начала лета нет сухого дня.
Вот и опять такой сегодня ливень —
он всю работу сделал за меня.
Цветёт пион, краснеет земляника,
и у меня есть над словами власть.
И душераздирающего крика
не будет.
Всё.
Душа разорвалась.